

Горшок встречается в различных действиях, трудно определить наиболее частое его использование в определенных ритуалах.

2.3. Упряжь

Средства для запрягания лошади и другого тяглового скота в религиозно-обрядовом контексте чаще всего имеют иррациональный смысл. Знание этого аспекта должно помочь лучшему освоению культурного наследия народа. Рассмотрим основные части упряжи.

Нагайка (кнут) — *саламат* (*нухайкка, чййркка, пушй*). Более всего ритуальное значение нагайки проявляется в свадебных эпизодах. Специальная плетель для использования на свадьбах имела не в каждом доме. Иногда она была одна на всю деревню. Так, еще в конце XIX в. в д. Юрмекейкино Ядринского у. один человек имел ременную плетель в два пальца толщины и две четверти длины плетель. Ее женихи брали напрокат за плату [Поле 90: 180; РАН, ф. 95, оп. 4.5: 41 об.; Аноров 1838: 197 и др.].

В таких общесельских обрядах, как «Девичья пахота» и *сёрен*, нагайка используется в качестве одного из основных атрибутов. В *сёрен* молодежь входит в дома с нагайками в руках и ударяет членов семьи. С целью избавления деревни от частых смертей и падежа скота девушки проводят опахивание сохой вокруг деревни. Для этого они снимают пояс, распускают волосы, на них бывают белые нижние платья, а в руках — нагайки, которой они ударяют каждого встречного. Иногда эту функцию выполняет пастух. Он идет по деревне и хлещет по воздуху своим длинным кнутом, при этом говорит: «Иди в другую деревню, у нас здесь лишних людей нет». В конце он выходит из деревни и идет по направлению к кладбищу. На свадьбу жених подушку, положенную для него, сначала три раза ударяет нагайкой и лишь затем садится. Другие главные персонажи мужской свадьбы также имеют бичи. При входе в дом они ударяют ими ворота и двери в обе стороны. Молодой «одаривает» нагайкой свою жену, когда ее выводят из дома родителей, а также на окраине деревни свата. Делается это для того, чтобы к нему и невесте не пристал злой дух, чтобы ничего чужого не было в их супружеской жизни. Эту же цель преследуют использование подушки, трехкратный перекрестный удар, пребывание жениха в рукавицах и шапке [Поле 90: 180; ЧГИ 1: 137; 21: 543 и др.]. Это типичное явление. В пользу того, что удар плеткой наносится именно с целью очищения, говорят и слова, произносимые при этом: «Избавь от всякого зла». Как известно, жених на свадьбе бывает весьма пассивным, а за него действует и говорит

старший дружка. Младшие дружки также охраняют жениха и находятся всегда рядом. По этой причине иногда у жениха отсутствует нагайка. Например, войдя в дом свата и совершив троекратный обход стола, именно старший дружка троекратно наносит перекрестный удар по подушке и предлагает жениху садиться, а двое других дружек садятся с двух сторон. После этого к ним присоединяется старший дружка, который кладет нагайку под себя, т.е. устраняет всякую возможность касания плети кем-либо. Важно отметить, что ритуальный удар нагайкой всегда носит только символический характер. Поэтому удар можно нанести платком, прутиком и нагайкой, сделанной из соломы. Главное — нанести троекратный удар и обеспечить очищение человека, дома, строений. Непонимание символизма иногда приводило к печальным последствиям. Так, архивная запись начала XX в. свидетельствует, что в д. Чувашское Чурашево Ядринского у. от удара у невесты Пелагеи из уха пошла кровь [ЧГИ 21: 578; 28: 898; 29: 7 и др.].

В молодежных песнях (в *Ѕаварни*, *Вайй* и др.) встречается поэтическая параллель, проводимая между женихом и нагайкой (кнутовищем). В целом их содержание сводится к одному инварианту:

У вдовца (= старого жениха) пеньковая нагайка,
По нагайке его стекает масло,
Пусть масло течет, но душа не лежит.
У молодца ременная нагайка,
По нагайке стекает кровь,
Пусть кровь течет, зато душа лежит.

Действительно, эта параллель затем несколько раз подтверждается в ходе свадьбы. Сват, отправляясь на переговоры от имени жениха, несет в руках нагайку. Получив предварительно согласие от родителей, сват три раза ударяет девушку со словами: «Не разлучись от этой плетки». В старину (в XIX в. и ранее) сват долго не засиживался, тем более не пил вина с родителями девушки. Он оставлял плеть и уходил. Понятия «оставление нагайки» и «сосватанная девушка» имели синонимичное значение.

После оставления нагайки начинались приготовления к непосредственному сватовству. Если до сватовства или начала самой свадьбы между парнем и девушкой «пробежит черная кошка», то нагайка возвращается, что означает полный разрыв отношений и прекращение разговоров о свадьбе. При одевании жениха плетка у невесты выкупается. При выводе из родительского дома невеста в своем плаче выра-

жает желание превратиться в нагайку и остаться в руках старшего брата. Аналогичная семантика родства встречается в пирушечной песне. Здесь выражается сожаление, что люди, выросшие вместе, со временем расходятся так же, как распускается со временем ременный кнут на двенадцать прядей. Как видим, нагайка может служить знаком любви, родства, принадлежности.

Нагайка также может быть средством побуждения к чему-либо. Согласно песне, не умеющего плясать парня «подбадривают» плеткой. Насколько реальна эта сцена, говорить трудно, но нагайка хотя бы в поэтической форме играет роль стимулятора. Возвращающихся на кладбище с *kёр сáри* умерших сельчан подгоняет их старший, восседающий на коне, в руке он держит нагайку. Задача этого персонажа — успеть вывести до зари всех умерших за околицу. Можно назвать и другие примеры, где нагайка призвана побуждать к более совершенным действиям или заострить внимание. Эта функция плетки типологична. Так, римский праздник в честь бога полей и межевых знаков содержит любопытный эпизод. В эти дни младших членов общества — мальчиков — водят вокруг границ села, при этом указывая им различные приметы: ручьи, камни, деревья. «Для того чтобы прочнее закрепить эти пограничные знаки в памяти мальчиков, на наиболее важных местах детей ударили палкой или кнутом» [Гроздова 1977: 108].

Ременная нагайка — атрибут снаряжения жениха. Но также известно, что и другие основные лица мужской свадьбы не расстаются с ней. Более того, согласно рукописи XVIII в., «те, у коих есть верховые лошади, надевают сабли, берут ружья и колчаны с луком и со стрелами». При пляске они хватают друг друга руками за кушаки, а в правых руках демонстрируют плетки. В таком контексте нагайка выступает как знак власти и силы. В качестве знака усмирения она продолжает функционировать и после свадьбы. Молодежные песни *Вайй* сообщают: чтобы приструнить молодую жену, надо иметь ременную нагайку, а чтобы хранить шелковую плетть, нужен серебряный гвоздь.

Нагайка может выступать и в качестве средства наказания. Об этом предупреждает мужская сторона свадьбы в песне, исполняемой перед брачной ночью:

Если она окажется потерявшею девственность,
То у нашего парня есть в руках нагайка.

У русских на Вологодчине дружка будит молодых, разбивая горшок у их кровати, при этом в руке он держит плетку. Если молодая — нечестная девушка, он готов проучить ее.

В словаре Н.И. Ашмарина [1935а: 43] выделяется еще один аспект рассматриваемого предмета. Когда хоронят человека, то, согласно верованиям, из-под земли выходит черная собака, ударяет нагайкой мертвеца три раза и тот проваливается в землю. Здесь нагайка является средством отправления в иной мир. В грузинском материале имеется эпизод, когда «при входе в дом покойного вешали нагайку, которой каждый входивший в дом мужчина должен был несколько раз себя ударить» [Волкова, Джавахишвили 1982: 144]. Полагаем, что в обоих случаях плетка имеет одно значение: в первом случае она отправляет в иной мир мертвеца, во втором — живые ударяют себя, чтобы временно перейти порог с целью прощания и выражения скорби, при этом плетку могут взять в руки только мужчины.

Семантическими заменителями нагайки могут служить платок, палка, прут, меч, а также змея.

Хомут — *xāmāt* (*сүсмен*) [Поле 90: 233; ЧГИ 14: 31; Вишневский 1861: 170 и др.]. Учитывая важность первого выхода на сев, чуваша мазали смесью хмеля и масла шею лошади под хомутом. Здесь, видимо, в меньшей степени проявляется рациональный подход, чем обрядовый. Таким образом, хомут как основная часть упряжки и лошадь как тягловая сила получают жертвенный дар.

В песне *улах* девушка проводит семантическую параллель между лошадью и любимым, а также между хомутом и уединенным сбором молодежи (у лошади хомут с шеи не слезал, а парень из *улаха*, где его возлюбленная, не выходил). Для сравнения приведем пример из русских гаданий: здесь также входили в нежилую избу, брали хомут и через него смотрели, чтобы увидеть суженого [Балашов и др. 1985: 21]. В обоих случаях связь «хомут–парень» сохраняется.

Хомут также символизирует бремя управления и тяжесть забот, что проявляется на свадьбе в фигуре старшего дружки. Ему вручают четверть вина и говорят: «Вот тебе хомут и дуга, теперь чествуй свой народ», т.е. его «запрягают» выполнять самую трудную и ответственную миссию на свадьбе.

Хомут как часть упряжи пригодится умершему и в будущем, поэтому его в числе прочего оставляли на могиле.

Этот вид упряжи играет ритуальную роль в свадебном обряде при указании на нецеломудрие невесты: на нее, или на сваху, или на родителей надевали хомут. Данный мотив широко распространен у славян, мордвы и у других народов, а следовательно, типичен. В данном конкретном контексте хомут символизирует женский детородный орган. Об этом же говорят соответствующие загадки с разгадкой «хомут» [Байбу-

рин 1981: 225]. На поминки являются умершие родственники. Их можно увидеть, если посмотреть в хомут [ЧГИ 31: 65]. Подозреваемого в воровстве заставляют пролезать сквозь хомут, а и в случае виновности надевают ему хомут и водят по улице с ворованной вещью в руках [Поле 90: 233]. А.К. Байбурин в вышеизложенных примерах видит символизацию акта изгнания преступников из человеческого коллектива по принципу «человеческое–звериное». Такая интерпретация, конечно, верна. Однако она нам видится более широкой культурной мотивацией. Нецеломудрые девушки, видение усопших в хомут, одевание этого предмета на вора — все эти призвано провести черту между «этим» и «тем, иным» мирами. Символизация иного мира в хомуте отчетливо проявляется в объяснении такого явления, как приспособление *усалами* умерших колдунов в хомуты, сани, полозья для катания в зимнее время [ЧГИ 151: 249].

В ряде обрядов по изгнанию болезней и злых духов хомут играет важную роль. Так, при огораживании «железной ограды» вокруг деревни в центр ставят целомудренную девушку с хомутом на шее, а остальные впрягаются по обе стороны от нее. Здесь важен сам факт одевания хомута, ибо таким образом становится возможным изгнание отрицательных сил путем их непосредственного представления. До выезда на похороны в хомут лошади втыкают иголку с шелковой ниткой, что способствует сохранению чистоты упряжи и всей процессии в целом, устраняя злых духов *усалов*. Некоторые меры избавления от болезней на индивидуальном уровне также включают использование хомута: при ослаблении зрения вечером идут под шест к курицам и моют лицо, сунув голову в хомут; страдающего болезнью от духа *Нииш* ребенка три раза протаскивают сквозь хомут [ЧГИ 21: 518; 30: 357; 31: 69 и др.].

Узда — *йёвен* — средство управления и символ целого [РГВИА, ф. ВУА. 19026: 283; ЧГИ 1: 156; 14: 14 и др.].

В обращениях к божеству плодородия *Хёрлэ сыр*, в частности, встречаются такие эпитеты: «Хёрлэ сыр, ... уздой владеющий», т.е. речь идет о божестве, владеющем лошадью для обработки земли. На посиделках *улах*, в частности, девушки поют:

На опушке леса
Темный жеребец ржет.
Ржет — так пусть ржет,
Его узда в моих руках [ЧГИ 14: 38].

После того как заехали к свекру, невесту сускают с телеги в центре двора. Жених идет в конюшню, надевает на лошадь узду и подводит к невесте. Он вручает повод невесте, взяв полый халата. Во всех примерах

узды содержит семантику целого — лошади или коня. Поэтому владение уздой равнозначно владению лошастью. Именно по этой причине с проданной лошади снимают узду и несут домой. Покупателю лошадь отдают с лыковой уздой. В противном случае у продавца не будут водиться лошади. Славяне проданную лошадь отдавали с уздой, с которой ее привели на базар. «И эта передача веревки или узды почитается необходимым обрядом при всяком совершающемся акте продажи и купли домашней скотины; потому что в этом действии наглядно, материальным образом выражается переход власти над нею из одних рук в другое» [Афанасьев 1986: 197].

Тип узды может выражать и тип ритуала. Так, готовясь к обряду «Девичье пиво», на лошадей надевают лучшие сбруи. Для этого используют все самое лучшее: хомут с кожаным покрытием, ременные узды, шлея, вожжи, чересседельник. На свадьбе, кроме того, на дугу вешают колокольчик, спину лошади покрывают войлоком, а на войлок кладут подушку. Жертвенную лошадь (в *Учук, симёк* и т.д.), наоборот, держат в узде, сделанной из сырого лыка или холста. Таким образом, в первых случаях используют праздничную узду, во втором — имитационную.

Узда в руках участника обряда может оказаться и на время. Так, в *сурхури* девушки на середину двора бросают бастры, подводят туда лошадь в узде и заставляют ее перешагнуть через бастры. Таким образом, владение уздой на это время позволяет девушкам заглянуть в свое будущее.

Отсутствие узды в руке означает отсутствие орудия управления самим конем. Такая семантика используется, например, в пословицах: «Женщина без мужа, что кобыла без узды».

Телега — *урана*. Телега или колесница является неотъемлемым атрибутом верховного божества у многих индоевропейских народов. У чувашей *Турá*, податель влаги (в поздних текстах его заменяет Илья Пророк), передвигается по небу на телеге с кадкой воды. Поэтому во время грозы слышится такой грохот, объясняют чувашаи. В обряде инициирования дождя этому божеству желают доброй поездки на телеге, просят не посылать обжигающую молнию на зреющий хлеб; чтобы он, когда гонится за *Усалом*, нечаянно не ударил своим кнутом по людям.

На похоронах в летнее время покойника на кладбище везут на телеге. Ее и другие принадлежности оставляют умершему родственнику на могиле. В дом жениха невесту везут также на телеге или повозке [Поле 89: 99; РГВИА, ф. ВУА. 19026: 278; Чулков 1786: 14 и др.]. Похоронные и свадебные варианты использования телег пришли на смену ритуальным саням.

Телега используется при проведении некоторых действий для избавления от болезней. Так, от холеры в деревне избавляются следующим образом: едут на кладбище, как бы «ловят» там персонифицированную холеру, сажают ее насильно на телегу и едут на восток до следующего кладбища чужой деревни, где и оставляют. Во время лихорадки больному советуют ехать по межам на телеге. Здесь двоякое объяснение: с одной стороны, болезнь «отвозится», с другой — из больного «вытряхивается» болезнь.

Телега может служить мерой объема в сельхозработах, что получило отражение в соответствующих молениях. Так, часто выражается желание получить столько-то телег снопа.

Этимология: слово *урана* от иранского *ароба*, первоначально означало «колесо». И ныне в верховом диалекте под *урана* понимают «колесо».

Сани — *суна*. Согласно зафиксированным источникам, чуваша умерших стариков и пожилых людей везли на кладбище на санях в любое время года, в том числе летом. Они объясняли такой поступок уважением покойника-родственника. На сани лицом назад садились две женщины и по дороге пели и голосили. В некоторых источниках, видимо, стадильно более поздних, говорится, что на кладбище гроб везли или на санях, или на телеге; или зимой на санях, летом на телеге. Также пользовались санями при установке столба *юна* и намогильного строения *чартак*. Сани, пригодившиеся для похоронно-поминальных обрядов, во двор не пускали, на некоторое время их оставляли на улице [ЧГИ 21: 517, 519; 160: 234 и др.].

Сани, прочую упряжь и некоторые мелкие предметы первой необходимости оставляли и на могиле. Считалось, что они нужны человеку на том свете. Видимо, на санях умерший должен был доехать до места своего постоянного пребывания.

Аналогичную с точки зрения семантики функцию выполняют сани в свадебных обрядах. Невесту и сопровождающих ее девушек привозят в дом свекра на санях. Здесь, как и в похоронно-поминальной обрядности, на санях доставляют к постоянному месту пребывания. Кроме того, как показывают исследования, развитие свадьбы проходит те же этапы, что и похоронные действия.

Таким образом, сани имеют ритуальное выражение в похоронно-поминальных обрядах и на свадьбе. Внешне они не утрачивают своей основной функции как средства доставки. Но в данных обрядах их назначение необычно и неутилитарно. Свадьба и похороны в контексте использования ритуальных вещей еще раз подтверждают свои культурно-семантические параллели.

Оглобли — *турта*. Ритуальный смысл оглобли обретают в свадебной сцене: если узнают, что невеста до свадьбы была не девственницей, у ее родных, приехавших в дом жениха, изрубают упряжь, в том числе оглобли. Таким образом, невестина сторона лишается возможности вернуться домой с честью. Семантика и цель данного действия — вычеркивание ее из числа нормальных людей, что ляжет грузом позора на ее близких родственников. Обычное право чувашей предусматривает возврат убежавшей из дома жены путем привязывания ее к оглоблям запряженной лошади. Как видим, в обоих случаях оглобли способствуют соблюдению традиций. Но оглобли служат и средством доставки в иной мир. Так, умершего родственника в гробу несут на двух оглоблях вшестером, что не распространяется по отношению к умершему ребенку. Чувашаи верят, что колдуны на том свете попадают в руки *усалов*. Те переделывают из колдунов разную упряжь, в том числе оглобли, и пользуются. В целом, оглобли имеют большое значение в жизни чуваша-земледельца.

Неслучайно в родовой песне *чўклеме* есть такие строки:

Пусть сев-пашня будет легкой,

Пусть оглобли-плуг идут прямо [Поле 89: 103, 117; РГВИА, ф. ВУА 19026: 275 и др.].

Во всех примерах красной нитью проходит одна тема, связанная с использованием оглоблей в ритуальном контексте, — они призваны направлять обряды перехода и жизнь в целом по прямой линии, т.е. традиционно.

Вожжи — *тилхене*. Этимология слова восходит к монгольскому слову «повязка (веревка) для гривы». В обрядовых ситуациях вожжи делались из белого холста. Притом некоторые тексты указывают, что вожжи из холста применялись только во время похорон женщин. После использования холст-вожжи разрезали на мелкие части и раздавали всем участникам похорон. Иногда при использовании вожжей актуализировалось метафорическое значение: ими определенным образом перевязывали ножки стола с целью нахождения пропавшей лошади. Видимо, таким образом метафорически перевязывали ноги пропавшего скота. В плаче невесты наблюдается явный параллелизм между вожжами и женихом-чужаком [РГВИА, ф. ВУА. 19026: 283; ЧГИ 6: 52; 176: 163 и др.]. Естественно, муж в представлениях беззаботной девушки — как вожжи на голову.

Деготь — *тикёт*. Факты обмазывания ворот родителей нечестных девушек и невест дегтем широко известно. Воспринимается этот факт

как форма наказания. Аналогичные сведения встречаются и в восточнославянских обрядах. Такой поступок синонимичен состриганию волос. Однако дегтем мазали и скот, прошедший сквозь земляные ворота в обрядах от мора. Получается, что в более широком смысле обмазывание дегтем — это не наказание, а соответствующая метка. Мазать ворота — значит пометить девушку легкого поведения с тем, чтобы другим было известно (такую парни избегали). Скот, прошедший очищение, метили с целью отличить «чистый» скот от «нечистого».

2.4. Принадлежности рукоделия

Нитка — *сит.* Сакральный характер нитки усматривается в принесении ее в дар духам. Она отдается как самостоятельно, так и в комплекте с другими предметами. Например, духу *Шыври* следует отнести нитку длиной, равной высоте заболевшего человека [Поле 88: 38, 61; 90: 176 и др.].

В похоронных обрядах встречается эпизод, хорошо известный как из жизни, так и из литературы: люди, идущие за водой для обмывания умершего, берут с собой три суровые нитки; такие же нитки раздают после похорон участникам. Существует несколько объяснений на этот счет. Если принимать во внимание вербальный текст, произносимый при опускании нитки в воду, то можно понять, что нитка приносится духу *Шыври* за воду. Согласно другому толкованию, на том свете в рот умершему по этой нитке будет капать вода. Раздавая приготовленные нитки людям, говорят, что это подарок от умершего. Но бросая нитку в воду, говорят: «Пусть будет дорога умершего родственника открытой». В пользу того, что нитки символизируют дорогу, по которой покойник следует в иной мир, свидетельствует и сама форма их использования: первую нитку бросают, выйдя за ворота дома, следующую нитку бросают по дороге к воде, третью, последнюю, — в воду. Вода — это символ иного, нижнего мира. Именно так трактуется она в фольклоре. В сказках нитка ведет героя в подземный мир. Использование нитки в похоронных обрядах можно объяснить и как прокладывание моста для перехода через водную преграду, что не выходит за рамки логического объяснения дороги в иной мир. Многие из тех, кто участвует в похоронах или встречает похоронную процессию в пути, получают три отрезка суровых ниток. Если они равны по длине, то это плохой признак: получивший вскоре может умереть, а нитка будет служить дорогой, ведущей к покойникам. Аналогичную функцию символа дороги выполняют нитки, которые вручаются рекруту, уходящему в солдаты. Голову человека,